

Наезд на богатырскую заставу и бой Сокольника с Ильей Муромцем

А-й на горах, на горах было на окатистых,
На окатистых горах было на шоломистых —
Там стоял ли, постоял да тонкой бел шатёр.
Во шатри где лежат тут добры молоццы:
Во-первых, старый казак да Илья Муромец,
Во-вторых-то, Добрынюшка Микитиц млад,
Как во-третьих, Олëshенька Поповиц млад.
А-й що на утрянной было да ранной зорюшки,
На восходи-то было красного солнышка
Выходил-де старой да из бела шатра,
Он смотрел где, гделел в подзорну трубочку
Как на все же четыре кругом стороны.
Он завидял ли на поли наезницька:
Уж как едёт наезник по чисту полю,
Уж как едёт наезник, потешаицсэ —
Он правой рукой мечот копьё по поднебесью,
А левой ле рукой да всё подхватывает.
А ён на заставу на крепку не приворачиват:
А-й уж как едёт ле прямо да в крашен Киев-град.
А-й заходил-де старой да в тонкой бел шатёр,
А-й говорил-де старой да таково слово:
«Уж вы ой еси, братьица мои крестовыя!
Уж вы що же вы спите да чево думаете?
Уж наехал на нас да супостат велик,
Супостат-де велик, да доброй молодец —
Не путём ле он ёдет, не дорогою,
Не дорогою едёт, не воротами!»
Говорил-де старой да таково слово:
«Уж ты ой еси, Олëshенька Попович млад!
Поежжай-ко, Олëshа, попроведай-ко!»
Ой скорешенько Олëshенька срежаицсэ:
Со постелюшки Олëshа поднимайцсэ,
Он свежой водой ключавою умываицсэ,

Тонким белым полотенцем утираицсэ;
И надевал ле он латы всё кольцюжняя,
Уж брал ле доспехи молодецкия.
Выходил-де Олёша из бела шатра,
Он свистел-де коня да из чиста поля.
Уж как конь его бежит — да мать-земля дрожит.
Он уздал ле, седлал да коня доброго,
Он накладывал седёлышко черкальскойё,
Он застегивал двенаццэтъ подпруг шолковых,
А тринаццату подпругу через хребётну кость.
Столько видели: Олёша в стремяна ступил,
А не видели, Олёша как на коня скоцил;
А-й не видели, Олёша как в стремяна ступил,
Только видели: в поли курева стоит,
Курева где стоит — да дым столбом валит.
Наежжал он удала да добра молоцца —
Закричал-де Олёша по-звериному,
Зарычал-де Олёша по-туриному,
Засвистел-де Олёша по-соловьиному.
Уж как едёт молодец — да не огляницсэ,
А-й уж как едёт молодец да потешаицсэ:
Он правой рукой мечот копьё по поднебесью,
А левой ле рукой да всё подхватыват,
Уж как сам ле из речей да выговариват:
«Уж ле еду, молодец, да в крашен Киев-град,
Уж я Божьи-ти церк[в]и да все под дым спушшу,
А святы Божьи иконы да копьём выколю;
Уж как князя Владимира живком зглону,
А Опраксею-кнегину — да за себя взамуж;
У богатырей головушки повырублю,
А головушки на копыца повысажу!»
А-й на правом плечи его сидел млад есён сокол,
На левом плечи сидел да тут белой кречат,
Впереди его бежит да два серых волка,
Два серых-де волка, да два как выжлога.
Уж как тут же Олёша приужакнулсэ,
Повёрнул-де коня да всё обратной путь
Да поехал Олешенька к белу шатру.
Подъезжаёт Олешенька близёшенько,

Да соскакивал с коня да он скорешенько,
Да идёт-де Олёша да в тонкой бел шатёр,
Говорил-де Олёша таково слово:
«Уж вы ой еси, братья всё крестовыя!
Уж едёт молодець — да не моя чета,
Не моя где чета да не моя верста!
Наеждал я удала да доброго молоцца —
Уж как едёт молодець да розговарыват:
«А-й уж ле еду, молодець, да в крашен Киев-град!
Й-уж я Божьи-ти церкви да все под дым спушшу,
А святы Божьи иконы да копьём выколю;
Уж я князя Владимирера живком зглону
А Опраксею-кнегину — да за себя взамуж;
У богатырей головушки повырублю,
А головушки на копыца повысажу!»
Сомутились у старого оци ясныя,
Росходились у старого ручки белыя,
Загорела во старом да тут горяча кровь,
Зашипело во старом да ретиво серцо.
Как скорешенько старой да тут срежаицсэ:
И надевал ле он латы все кольцюжныя,
Уж брал ле доспехи молодецкия,
Удевал ле он шляпу всё ле греческу.
Выходил-де старой из бела шатра,
Он свистел-де коня да из чиста поля.
Уж как конь его бежит — да мать-земля дрожит,
Уж как лесы-ти тёмны пригибаюцсэ,
Как в озёрах вода да колыбаицсэ.
Он уздал ле, седлал да коня доброго,
Он накладывал седёлышко черкальскоё,
Ой застегивал двенаццать подпруг шолковых
А того же нынь шолку полубелого,
А тринаццату подпругу — через хребётну кось.
Уж как сам седёлышку приговарывал:
«Уж не для-ради басы, а ради крепости,
Уж как ради опоры молодецкого —
Не оставил бы конь да во чистом поли,
Не пришлось бы молоццу да мне пешком брести!»
Столько видели, старой как в стремяна ступил,

А не видели, старой как на коня скочил,
А не видели поезки молодечкое.
Только видели: во поли курева стоит,
Курева где стоит — да дым столбом валит.
Да поехал старой да по чисту полю,
Наежжал ле удала доброго молоца —
Закричал-де старой да по-звериному,
Зарычал-де старой да по-туриному,
Засвистел-де старой да по-соловьиному.
Уж как тут же молодец да приужакнулсэ,
Повернул-де коня да всё обратной путь.
Говорил-де молодец да таково слово:
«Ты лети-тко от меня, да млад есён сокол!
Вы лети-тко от меня, да всё белой кречат!
Вы бежите от меня, да два серых волка,
Два серых вас волка, да два как выжлога!»
А уж как съехались они да на чистом поли,
На чистом где поли да добры молоццы.
Уж как первой раз съехались саблеми вострыма —
А от рук их руковятки загорелисе,
По насадоцькам сабельки свёрнулисе.
Во второй они раз съехались копьями вострыма —
И от рук руковятки да загорелисе,
По насадоцькам копыця свернулисе.
Соскочили удалы да со добрых коней,
Уж как бьюцсе-деруцсэ да трои суточки —
По колен они в землю-й утопталисе.
По Сокольничкову нонь было по счасьицу,
Уж по старому было да по злочесьицу —
Окользила у старого ручка правая,
Окатилась у старого ножка левая —
Уж как пал-де старой на сыру землю.
Да скочил-де Сокольник на белы груди,
Он растегивал латы все кольцюжныя,
Вынимал он цинжалишшо, булатной нож:
Уж как хочот пороть да груди белыя,
Уж он хочот смотреть да ретиво серцо.
А уж как тут же старой да всё возмолилсэ:
«Уж ты Спас, ты Спас да Многомилос[ти]в,

Присвятая Мати Божья Богородица!
А-й как сказали ле, старому смерть не писана —
Как не писана смерть на чистом поли!»
Уж как тут у старого да силы прибыло:
Да скоцил-де старой да на резвы ноги,
Он кинал ле Сокольничка на сыру землю,
Он ростегивал латы всё кольцюжныя,
Он и хочот пороть да груди белыя,
Он и хочот смотреть да ретиво серцо.
Уж увидял-де на груди ноне чуден крест,
Ой как чуден ле крест да его собственной,
Уж как стал ле молодца да всё выпрашивать:
«Ты откуда, молодець, да куда едёшь?
А-й ты коей же земли да коего царя?
Да которого оцца, которой матери?»
Уж как тут же молодець да ответат ему:
«Уж я был же у тя да на белых грудях —
Я не спрашивал не имени, не вотчины,
Я не спрашивал отечества-молодечества:
Я порол бы у тя да всё белы груди,
Я смотрел бы у тя да ретиво серцо!»
Уж как спрашивал старой да во второй након.
Уж как спрашивал старой да во третьей након.
А-й говорил-де удалой да таково слово:
«От т[о]го же я моря, да моря синёго,
От того же от камешка от Лát[ы]ря,
А я от той же от девки от Златыгорки!
А-й ме... по имени зовут да всё Сокольницёк;
Уж мне же, Сокольницюку, — двенаццать лет!»
Поднимал-де старой да за белы руки,
Целовал-де его в уста сахарныя,
А-й называл ле его да всё «любимой сын»:
«Уж ты ой еси, Сокольницёк-наезницёк!
Поежжай-ко, Сокольницёк, в обратной путь;
Уж ле ты же, Сокольник, малой юныша;
Поживи-тко, Сокольницёк, у маменьки,
Ты поешь-ко каши всё пшенисьние!»
Уж ле тут ле удалы прирозъехались.
Да поехал Сокольницёк в обратной путь,

Уж ехал Сокольник во свою землю
Уж как к той же нонь маменьки родимое.
Подъезжат ле Сокольницёк под свой город,
Подъезжат-де Сокольник ко свою крыльцу.
Увидала ле маменька родимая —
Выходила встречать да тут Сокольничка.
Подают он копьё да не тупым коньцём:
Подают ле копьё да всё ведь матери,
Подают он коньцём — да всё вострым концом!..
Уж ле тут же нонь матери славы поют.
А-й повернул-де коня да всё в обратной путь,
А-й поехал Сокольник по чисту полю.
Приезжал-де Сокольник ко белу шатру
Да на ту же нонь на заставу на крепкую:
Уж спят ле удалы да добры молоццы.
Заходил-де Сокольник в тонкой бел шатёр —
Уж как шáрнул Сокольницёк вострым копьём
Уж как старому прямо да ноньче в белу грудь:
Уж попало ле старому прямо в чуден крест,
Соскочило копьё да со чудна креста...
Уж как тут же старой да пробужаицсэ,
От великого похмелья просыпаицсэ,
Да скочил-де старой да на резвы ноги,
Уж как брал ле Сокольницька за русы кудри:
Он бросал-де Сокольничка по поднебесью,
Поднимал-де Сокольницька — не подхватывал.
Уж как тут же Сокольничку славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 18 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тяросова Ильи Андреевича, 37 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.